

Вспоминая отца, не припоминаю его улыбающимся, а чтобы смеющимся... По-моему, отец, или как чаще всего я уже в ранней молодости звал его просто «батя», не смеялся вообще. Да и улыбался не так уж и часто: когда порадуешь его хорошей новостью или если удавалось ему сделать что-то особенное по хозяйству, для блага семьи и улучшения быта в доме. Нынче в это как-то и не верится: отец мой не был, что называется, сухарем, да и с юмором у него всё было в порядке. Мог иной раз и, так сказать, подколоть или маленько подшутить над тобой, при этом слегка улыбнется и... на этом всё. Ну а слово «батя» у нас воспринималось легко, скорее всего потому, что было весьма схоже с местным: отец – батько.

Батя был человеком работающим, умелым в любом деле, что касалось дерева, точнее сказать, деревообработки. С топором обращался легко и даже красиво, лучше, чем я, к примеру, с пишущей ручкой. В его руках, когда батя тесал лесину, топор просто играл, и бревно выходило обработанное точно по шнуру – ровно, без сучка-задоринки. Посмотришь, бывало, – ровно, гладко, словно кто-то еще и рубанком прошелся. И с другими плотницкими инструментами: рубанком, фуганком, киянками, долотами, стамесками и прочим – обращался по-свойски, просто играючи.

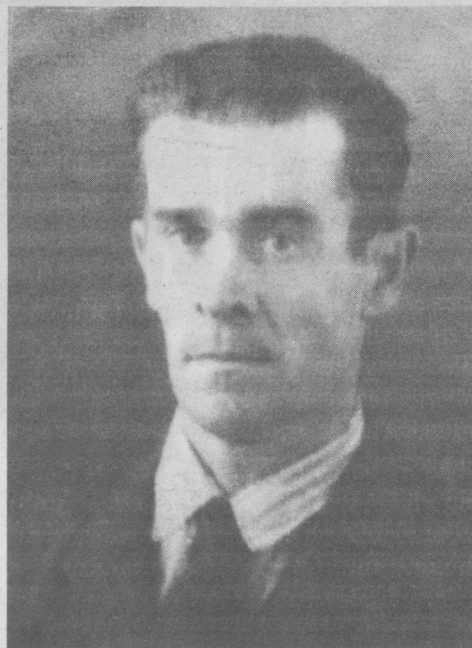
Так в родительском доме понемногу на моей памяти появлялась мебель, сработанная руками отца, – диван с пружинным матрацем, высокой и широкой спинкой. Хорошо помню, как не раз смотрелся в зеркало, встроенное в спинку. Видимо, по тогдашней моде. Этот диван долго стоял в комнате родителей. Позже, когда купили телевизор, батя смастерил буквально за день-два тумбочку под него. Я, как это и бывало в ту пору, помогал ему. Держал доску, которую батя распиливал, что-то подносил и относил, помогал клеить обшивочный шпон, строгать

он так и не оклемался и умер в квартире на втором этаже, так ни разу не выйдя из нее. Разве что выходил, помогая себе палочкой, посидеть на балконе.

Накануне переезда в многоквартирный дом, даже задолго до переезда, батя не однажды говорил, как не хочется ему переезжать и доживать в человеческом улье. Так он, родившийся и проживший не один десяток лет в собственном доме, с огородом и садом, пусть и совсем небольшими, но для человека, появившегося на свет Божий еще в Российской империи и прожившего почти два десятка лет в межвоенной Польше, называл многоквартирные дома. Что тут скажешь, время и обстоятельства формируют характер человека, его мировоззрение, его сущность. Вполне понятно отношение бати к частной собственности: он считал ее краеугольным камнем благополучия и счастья человека. Вокруг же всё было наше и ничего или почти ничего своего. С переездом в многоквартирный дом батя, как я теперь понимаю, на подсознательном уровне сознавал: он теряет последнюю собственность, дом, в который вложил свои силы и душу, строя его, а затем, как только в родной деревне началась коллективизация, правдами и неправдами выбив пас-

Отец

Эссе

Федор Гришковец в первые послевоенные годы

ревню на новую сборку. Бревна разобрали, пронумеровав заранее, а потом собрали по номерам уже новые хозяева. Я даже не спрашивал у матери, куда, в какую деревню ушел наш дом. Мне было как-то больно осознавать, что в моем доме живут другие люди. А деньги от его продажи – четыре тысячи рублей – родители и дядька Пётр поделили. Мать свои две тысячи «положила на книжку»: «На смерть будё». Так оно, кстати, и вышло: распался (умер) Советский Союз, а с ним «умерли» и две тысячи родительских сбережений...

Пока не снесли и не продали дом, я несколько раз в начале лета приезжал на свою улицу. Дом стоял закрытый, во дворе не было ни скамейки, ни стула, так я садился на травку под грушей посидеть, повспоминать – мне так тяжело было расставаться с МОИМ домом, так хотелось хоть в мечтах-думах побыть-пожить в нем...

мы пробирались до дома по каким-то временным мосткам из камней и старых досок... Но здесь проходили мое детство и юность – самая прекрасная пора жизни, так что не замечали серые обшарпанные стены заводских цехов, не обращали вни-

В нашем доме совсем немного было мебели. Диван, тумбочка под телевизор, кухонный стол, полки под посуду, а также довольно большой, к тому же – на случай – раздвижной круглый стол, были сработаны руками отца. Именно сработаны, а не сделаны. А

Я, как это и бывало в ту пору, помогал ему. Держал доску, которую батя распиливал, что-то подносил и относил, помогал клеить облицовочный шпон – строганую из дуба тонкую древесную пленку. В этой же комнате, которую мы называли большой, стояла этажерка, которую отец смастерил задолго до появления у нас в доме телевизора. На ее полках располагалась наша домашняя библиотека – десятка полтора-два книг разного содержания и жанров. Ну и стол, этот самый круглый, сделанный из дуба, что сейчас стоит в моем доме. А на кухне, встроенные в стену, висели полки для посуды, в углу – приспособление из дерева с металлическим умывальником и тазом, в который сливали воду. Потом появилось нечто более солидное, что мы называли сервантом, куда переместили с полок посуду, в нем хранили крупы, муку и прочее такое.

Но самой значимой мебелью в родительском доме был, конечно, диван. Я на нем спал, когда в другой комнате, кстати, их в родительском доме было всего две, обосновалась семья моего брата – жена и двое сыновей. Сестра еще до моего ухода в армию окончила Пинский гидротехникум и уехала по распределению. После того, как отца разбил инсульт, я часто спал на кухне, постелив на полу матрац, точно такой, на каком спал в армии. Так продолжалось четыре зимы. Летом я располагался на ночь в сарае и спал в нем буквально до первых холодов – так не хотелось в дом, где всё меньше и меньше оставалось мне места. Я и писал в сарае, много писал. Зажгу свечку, поставленную в банку от рыбных консервов, наполненную на всякий случай водой, и пишу либо читаю, пока сон не сморит окончательно...

В доме, построенном и отцом (дом в одиночку не построишь), я прожил до 27 лет. К сожалению, из того в полном смысле моего отцовского дома мы выносили батю на руках. После тяжелого инсульта

нось, дом, в который вложил свои силы и душу, строя его, а затем, как только в родной деревне началась коллективизация, правдами и неправдами выбив паспорт и городскую прописку, перевозил его в город.

Это произошло за два года до моего появления на свет Божий. Отцу и его брату Петру разрешили поставить дом в центре Пинска, на улице Ясельдовской, неподалеку от улицы Брестской. Но через какой-то год-два рядом, на углу улиц Брестской и Горького, возвели многоквартирный дом с продовольственным магазином на первом этаже. Это был первый большой жилой дом в городе. Не было до этого и такого продмага. Дом предназначался для разного рода начальства, как гражданского, так и военного, коих в Пинске становилось всё больше. Еще никто не знал про центральное отопление, так что для обогрева дома необходимо было построить котельную. Ее и поставили на месте нашего дома, а под наш дом выделили участок на улице Пугачева, на тогдашней заводской окраине Пинска. Мне было полгода, как дом, в который внесли меня младенцем, перенесли на Пугачева. С одной стороны гудели «спичка» и «фанерка», с другой – «литейка». Пройдет немного времени, снесут тюрьму и в ее стенах и возведенных рядом строениях разместят биомедицинский завод, а немного поодаль, на запад, возведут с нуля кожзавод. Кстати, я хорошо помню Пинскую тюрьму, сторожевые вышки на улицах Полесской и Брестской...

Но я отвлекся. Это, скорее всего, потому, что мне дорог, очень дорог этот район Пинска, несмотря даже на то, что по сей день помню, как долго, пока не ввели какие-то фильтры и прочее, мы буквально задыхались от запахов с биомедицинского завода, как трудно было уснуть, пока к полночи не стихал гул и грохот «литейки»; как весной и осенью

и юность – самая прекрасная пора жизни, так что не замечали серые обшарпанные стены заводских цехов, не обращали внимания на гул и грохот, на дым производственных труб, на специфические запахи. Почему-то больше других вспоминается и помнится запах сырой древесины, слегка горьковатый и хмельной, особенно теплыми весенними вечерами...

Мне трудно, просто тяжело было съезжать с улицы Пугачева, из моего дома, в котором оставались мои детство, юность и молодость. А каково было отцу? Он строил этот дом еще в деревне, а потом дважды перевозил и собирал его в городе... Уезжая с Пугачева на седьмом десятке лет, тяжелобольной, так и не ставший снова на свои ноги, что думал батя, понять нетрудно уже только потому, что, когда его выносили из дома, он весь как бы трясся и слезы текли у него по лицу.

А дом, построенный и его руками, в очередной раз пошел под снос: расширялся литейно-механический завод, что располагался сразу же за нашим забором. Нашей семье, как и семье брата отца, моего родного дядьки Петра, жившей на другой половине, завод по такому случаю выделил квартиры. Как непременно подчеркивалось, со всеми удобствами. Отдельную квартиру завод выделил и моему старшему брату с семьей, а также двоюродным братьям. Все они были женаты, имели детей и, разумеется, с нетерпением ждали, когда, наконец-то, «литейка» снесет наш дом. Не хотели этого разве что бес семейный я да больной, разбитый инсультот батя. Я привык к нашей, всё еще зеленой улице, пусть уже и не такой тихой, как бывало, когда «литейка» еще не размахнулась так широко. В этом районе у меня была масса друзей, тут знали меня даже собаки, так что, подзагуляв, можно было без особых проблем добраться до родного порога...

Дом снесли и продали куда-то в де-

полки под посуду, а также довольно большой, к тому же – на случай – раздвижной круглый стол, были сработаны руками отца. Именно сработаны, а не сделаны. А если сделаны, то – мастерски. В свою работу – это было видно любому – батя вкладывал душу, всю, без остатка...

После смерти матери, а она умерла на 85-м году, пережив мужа на четырнадцать лет и прожив одинокой почти тридцать, переезжая в свою нынешнюю квартиру, я забрал лишь круглый стол. Его бы выбросили, но я настоял взять его в новую, как я теперь окончательно сознаю, мою последнюю на земле квартиру. Больно уж хотелось мне, чтобы хоть что-то из моего, того отцовско-материнского дома было со мной до конца моих дней...

Стол этот, как я вычислил, батя смастерил летом 1961 года. Год, когда полетел в космос Гагарин. Мать так и говорила. Апрель 61-го она запомнила потому, что впервые пошла работать на завод. До того, сколько ни пыталась найти в городе работу, не могла устроиться. Предприятий было немного. Строек, которые начались ближе к середине 1960-х, еще не было, так что с работой в Пинске было непросто. А человеку без профессии, каковых на то время оказалось в Пинске немало, работу и вовсе было не найти. Западное Полесье полностью переходило на новый, колхозный лад жизни. Многие селяне, едва вкусив пирога этой самой новой жизни, подались в город. Было это непросто, но батя смелоду работал в Пинске. Его отец был малоземельным, мать умерла, когда ему не было и пятнадцати лет. В семье было еще трое детей – десятилетняя сестра Ольга, восьмилетний Максим и трехлетний Петр. Старший брат Иван, достигнув совершеннолетия, уехал на заработки в Аргентину. И хлеб насущный, живя в селе, правда, недалеко от Пинска, батя пришлось добывать в городе. Так, еще «за польским часом» он оказался на пинской «фанерке».

В 1934 году отца призвали на службу в Войско Польское. Служить довелось в Гдыне. Не особо говорливый, изредка и все как-то мельком батя нет-нет и обмолвливался про свою службу в армии пана Пилсудского. Ему, как и другим польским солдатам православного исповедования, доводилось делать много черновой армейской работы. По выходным и праздничным дням католического календаря солдат-поляков строем вели в костел, а наряды по службе и разные бытовые работы в воинской части приходилось выполнять солдатам православного исповедания и евреям. Их также немало было в Войске Польском. Разумеется, в рядовом составе. Выше капрала православному, как и еврею, в польской армии предвоенного времени было не подняться. Про офицерство и думать не приходилось. Кстати говоря, солдат с «кресов всходних»* православного исповедания, как и вообще тутошний православный люд, в межвоенной Польше считали русскими. Ну а католиков, соответственно, поляками. Никакой белорусской национальности, как и вообще Белоруссии и БССР, в Польше Пилсудского не признавали. Думаю, это в немалой степени повлияло на то, что отец, да и мама считали себя русскими. Ну а собственно русских они называли «восточниками». Впрочем, «восточниками» мои родители называли и белорусов, переехавших в Пинск из той части страны, что до сентября 1939 года входила в БССР...

Отслужив в Войске Польском, батя вернулся и на пинскую «фанерку». Тягал, как не раз вспоминал, «вагонки» со шпоном. Такую работу давно выполняют электрокарами, разумеется, управляемыми человеком. А тогда шпон для выпуска фанеры к прессам подвозили вагонетками по рельсам — два человека руками, но чаще

70–80 был еврейским городом. Предприятий практически не было, в основном небольшие мастерские, а вот торговля и мелкие ремесла, что называется, процветали. Впрочем, речь не об этом. В марте 1941 года батя пошел на работу напрямик в сторону Пины. Но, подходя к реке, понял: Пина «пошла». Побежал в сторону моста — добрый километр по талому насту, по бездорожью, а там еще по городу с километр, не меньше, до «фанерки». Пока пришел на завод, опоздал на полчаса. В тот же день батю забирали.

Суд был недолгим. Безо всякого разбирательства и следствия — год тюрьмы. Вместе с ним осудили очередных нескольких евреев, отказавшихся работать в субботу, и какого-то бедолагу, на заводской свалке отрезавшего от старой транспортной ленты два куска на подметки, чтобы подбить сношенные ботинки. Еще недавно это было в порядке вещей, а теперь... Пусть гниет, но брать не смей — социалистическая собственность!..

тюрьмы эвакуировалась на восток, а заключенные разбежались по домам. У кого он, дом, разумеется, был. Правда, радость арестантов, нежданно получивших свободу, была недолгой. Немцы, немало освоившись в Пинске, тут же всех беглых советских арестантов вернули в камеры. Скоренько нашли по спискам, которые бывшая тюремная охрана, оставляя город, не уничтожила. Немцы заключенных использовали на восстановлении железной дороги, которую недавно они же и разбомбили.

На себе носили шпалы, рельсы. Один рельс несли шесть человек на ломах — три с одной стороны и три с другой. А шпалы — по две — также на ломах несли четыре человека. Не кормили, не давали курева. Всё это передавала родня арестованных. Как-то батя и его пятеро парников несли рельс от места выгрузки к ремонтируемому участку, а другие арестанты присели покурить. Несут они рельс, надрываются, а тут подбегает офицер охраны и давай лупить их плеткой! По рукам, по плечам, по лицу. Оста-

табачный лист, сушили в старой, вышедшей из употребления металлической посуде или на «бляхе» — небольшом листе из металла — в печи на остывающих головешках, а в жаркий день — на солнце. У каждого были свои «приемы», но одно общее правило — подальше от посторонних глаз. Готовый к употреблению табак — махорку — высыпали на небольшой листок бумаги, сворачивали самокрутку, как правило, из старых газет, разрезанных на небольшие дольки-куски. «При поляках» посадка табака строго каралась законом. Как и самогонование. Штрафы для простых людей — селян и рабочих, кто обычно и занимался этим, были просто разорительны. Сборщики податков** совершали рейды по деревням и городским окраинам, выискивая в огородах участки с табаком. Его легко можно было определить по запаху, особенно тихими теплыми летними вечерами. Но разве напугаешь нашего мужика штрафом? В особенности любителей выпить и покурить... Табак курящие мужики сажали небольшими «плантациями»-клочками среди картошки или других традиционных у нас овощей где-нибудь в дальнем закутке двора. Ну а самогон варили... Впрочем, про это известно немало, да и речь-то совсем о другом...

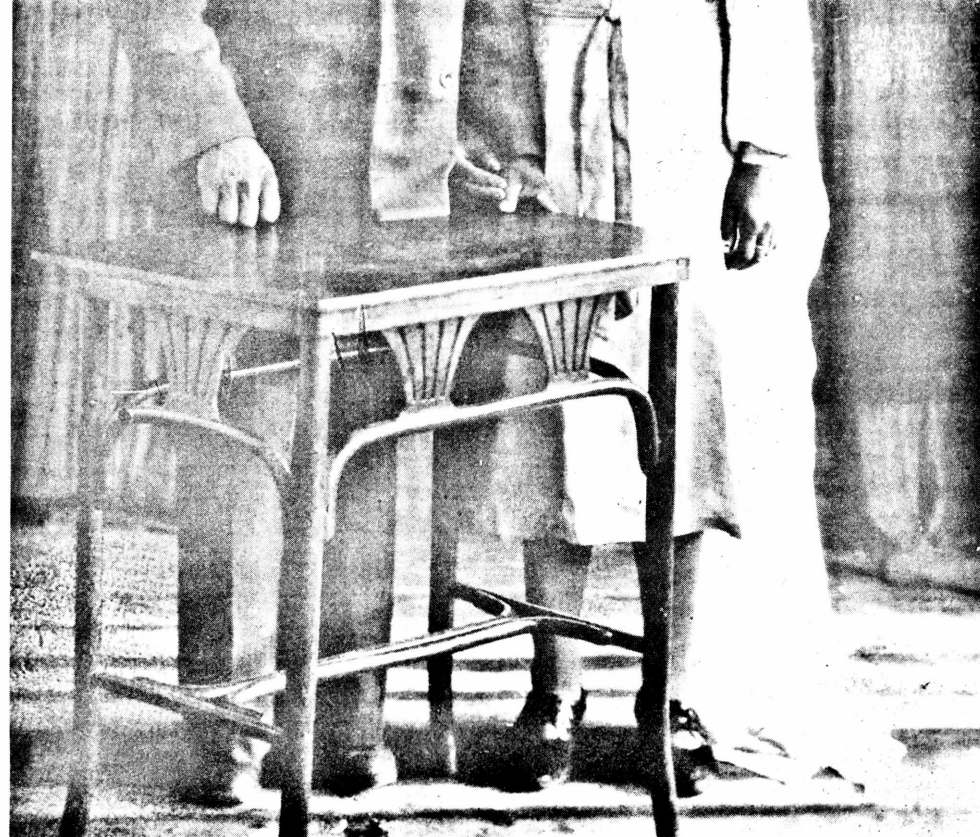
Батя рассказывал, что у него руки чесались дать этому гаду в холёную морду, да так врезать, чтобы голова отлетела! Я на тебя, гадина немецкая, даром работаю, а ты меня за это бьешь?! Больше всего его удивляло и, по-моему, злило даже через годы, когда он рассказывал нам, то, что немецкий офицер стал бить их, работавших, а не присевших покурить без команды. Тогда же решил при первой возможности бежать. И бежал. Днём прятался в лесу, а на ночь шел к дому, ночевал в клуне, на отшибе двора...

Отец, сколько я его помню, всегда

А тогда шпон для выпуска фанеры к прессам подвозили вагонетками по рельсам — два человека руками, но чаще всего плечом толкали. Они нередко съезжали с рельсов. Тогда работяги, толкавшие их, брали в руки лаги, приподнимали «вагонку», ставили колеса на рельсы и толкали дальше. Бывало, что и травмировались. Хорошо помню, как в лет пять-шесть с мамой навещал отца в больнице. Он как раз и был травмирован, когда ставил «вагонку» на рельсы. Лага сорвалась и сильно ударила его по спине. Вообще работа на «фанерке» была трудоемкой, вредной и опасной. В цехах возле прессов было жарко, постоянно валил пар, а ворота с обоих концов нараспашку, окна открыты, а то и вовсе без стекол. Даже зимой. В цехах постоянно гуляли сквозняки, а одежда на рабочих была отсыревшей от пара и пота. Отец, помнится, еще смолоду страдал радикулитом, но на работу не ходил лишь в том случае, когда врач «давал биллутень» — освобождение от трудовых обязанностей в связи с заболеванием. Ну а «за вредность» профком ежемесячно выдавал талоны на молоко — пол-литра за каждый рабочий день...

На работу батя добирался так: зимой пешком — напрямик через замерзшую Пину, примерно пять километров, а летом — вкруговую через мост, примерно тринадцать километров, на «ровэры» — велосипеде.

И всё было нормально. Ничего вроде особенного в судьбе отца не случилось и после освободительного похода Красной армии в Западную Беларусь. Он все также работал на пинской «фанерке». Разве что зарплату стали выдавать другими деньгами и меньше товаров стало в магазинах, как и самих магазинов в Пинске. До войны с немцами (Великой Отечественной) Пинск процентов на

Супруги Гришковец после венчания, август 1946 г.

Осужденных на короткий срок никуда не увозили, а выводили на разные городские работы. В основном — на распиловку леса и заготовку дров для отопления различных городских учреждений и заведений. Их в областном Пинске появилось столько, что трудно было запомнить, тем паче людям, толком не знавшим русского языка, не умевшим читать по-русски...

В первые дни войны, которую вскоре объявят Великой Отечественной, немцы двигались, оставляя Пинск в стороне. Минск, как известно, они оккупировали 28 июня 1941-го, а в Пинск вошли лишь 5 июля. К этому времени охрана пинской

новились они с рельсом в руках, не возьмут в толк, с чего это, и рельс бросить бояться, чтобы еще больше не перепало. Но тут офицер останавливается, подзывает переводчика, приказывает всем построиться. И объявляет: «Должен быть порядок! Вы теперь работаете на великую Германию, на фюрера, во всем должен быть немецкий порядок. Работать — значит всем работать! Курить — значит всем курить! И только по команде!»

К урили самосад — махорку, табак собственного посева и домашней обработки. Сами сажали, сами резали вручную на мелкие части

О тец, сколько я его помню, всегда был человеком сдержанным, даже тихим, правда, тихоней не был. Как-то летом, за год или два перед моим походом в первый класс, на соседней улице загорелся дом. Батя в этот день работал в третью смену и перед обедом пошел к колонке за водой. Только вышел, как увидел, что на соседней улице, в каких-то двухстах метрах, из-под крыши дома вырываются клубы дыма. Оставил ведра и побежал туда. Двери дома, из которого валил дым, были не заперты. Быстро прошел по коридорчику на кухню, услышал громкий детский плач. Три девочки, забившись в угол за печкой, надрылались от плача. Батя тут же сгреб в охапку двух, а третью, взяв за руку, выбежал из начавшего гореть дома. Сам не обгорел, но дыма успел глотнуть хорошенько. Отпивался кислым молоком. Его у нас хватало — мать не работала, держала за речкой «кормилицу» — корову. А батю, помнится, пожарные выписали денежную премию. Получив ее, купил мне и сестре подушечек — были такие конфеты, тогда самые дешевые. Ну а с одной из тех соседских сестер, самой младшей, что батя вынес из горящего дома, я потом учился в одном классе, правда, не с первого, а с пятого. Мы никогда не вспоминали про пожар в ее доме. В детстве всё страшное забывается быстро. Не припомню, чтобы и батя говорил про этот свой подвиг. А вот мама незадолго до смерти, вспоминая наш дом на улице Пугачева, обмолвилась про пожар на Фруктовой, про батькин поступок. Оказывается, на премиальные от пожарных он купил ей платок...

(Продолжение будет)

Валерий ГРИШКОВЕЦ, г. Пинск

*Кресы всходни — восточные земли (польск)

**Податок — налог (польск.)